

ИГРА В БИСЕР

Трудно о нем писать, какой-то он насекомый. Хотя ведь и не чужой мне человек, и в жизни помог немало – а вот противно, и все. Миро даже возьмите – хоть из сюрреалистов сам, а сны писал. Макс Эрнст так и просто душка смешная, а этот – гадость какая-то холоднокровная.

...тогда вместо истории КПСС, научного коммунизма и еще чего-то марксистского, и ленинского тож, я его монографию в течение четырех курсов переводила в институте. И мне даже экзамен в аспирантуру потом за эту халтуру зачли – но вот насчет любимых картин я как-то затрудняюсь.

Любить его нельзя, он слишком формальный. У него была отличная школа, в смысле техники, но работы все мертвые внутри и совершенно плоские в содержательном отношении. Ничего, кроме структуры, в них нет. Это европейский кич, в технически блестящем, прагматичном и тщательном исполнении.

Кич был предметом его изобразительной деятельности, тут нет ничего плохого. Только это не имеет отношения к творчеству. Это вроде игры в сложный паззл.

Я бы еще добавила, пожалуй, что Дали, как художник, является преимущественно креатурой его жены, а отнюдь не воплощением художественной гениальности. «Gala» означает праздник. Она очень рационально и эффективно использовала его трудоспособность, его неуверенность, его амбициозность и непобедимые страхи для создания несколько марионеточного образа великого безумца.

Малыш Дали умер – твердил он после ее смерти, и тут не было лжи. Я думаю, он был честен, подписывая свои работы ее именем. Ее звали Елена Дьяконова.

...в нем нет чувства, откуда же взяться предчувствиям? Впрочем, одно предчувствие там все-таки было: предчувствие компьютерной графики. Она так же безучастна, всемогуща и бессмысленна. Техника его, кстати, не всегда была такой уж совершенной, это он с годами распелся, как Пугачева. Полюбил зализывать, полюбил ляпнуть что-нибудь из ренессанса, напустить античных аллюзий, присоседиться невзначай к классикам – но это все пришло постепенно. Гала стимулировала в нем главное: тянуть внимание и не стесняться извращений.

Обыватели, будучи приобщены к творческой богеме, нередко заканчивают нервным срывом; но те, кому удается устоять под напором сокрушительной все-дозволенности – становятся беспримерно циничны. Он был счастлив, когда ее удалось склонить на его сторону, – и она устроила ему такую раскрутку, которая, собственно, и позволяет сегодня говорить о Дали.

Всю жизнь он решал только одну изобразительную задачу: поразить воображение. Написать что-то ошеломляющее. Не поддающееся рациональному осмыслению. И он этого достигал – его картины производили шок. Они похожи на какие-то безумные ребусы. И интересны именно для разгадывания: почему образ Гитлера соединен со сломанной телефонной трубкой и тарелкой? Почему на плече у Галы бараньи ребрышки? А нипочему. Потому что паранойя. Андре Бретона спросите. Смотреть на них можно, пока не кончатся детали. Потом это становится неинтересным. Зрителю нечего с ним разделить: это его личная терапия.